

Отже, треба підкреслити, що матеріали газети «Терджиман» є репрезентативним історичним джерелом, якість якого, певною мірою, забезпечили видатні російські сходознавці-цензори В.Д.Смирнов та І.І.Казас. Вони базуються на численних публікаціях багатьох сучасних російськомовних, національних та іноземних періодичних видань і власних кореспонденцій, які відображали стан громадського та культурного життя майже усіх тюрко-мусульманських народів Російської імперії. Художня література, надрукована на шпальтах газети «Терджиман», відображала основні проблеми суспільного життя тюркських та інших етносів, які сповідували ісламське віровчення.

Це дає всі підстави стверджувати, що матеріали газети «Терджиман» є цінним джерелом для наукового висвітлення стану громадського та культурного життя тюркомовних народів Російської імперії кінця XIX – початку XX ст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблаев Э.А. Прогрессивные педагогические идеи крымских татар второй половины XIX – начала XX веков. (На материале педагогического наследия Исмаила Гаспринского): Дисс... докт. пед. наук: 13.00.01.– Ташкент, 1991.– С. 16; Горошков Н.П. Процесс становления и развития пантюркизма (Историко-политологический анализ): Дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. – Воронеж, 1997. – С. 7.
2. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851 – 1914). – Симферополь: Доля, 2000. – С. 215 – 235.
3. Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания. – Бахчисарай: Изд-во типо-литогр. газ. «Переводчик», 1896. – С. 8.
4. Fisher A.W. Ismail Gaspirali. Model Leader for Asia// Tatars of the Crimea. Their Struggle.– Durham – London, 1988. – P. 12 – 13.
5. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851 – 1914). – Симферополь: Доля, 2000. – С. 113, 117, 118.
6. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851 – 1914). – Симферополь: Доля, 2000. – С. 124 – 125.

Поступило в редакцию 13.02.2002 г.

*Бородин С.В.
(Симферополь, Украина)*

ЗЕМЛИ СПЕЦНАЗНАЧЕНИЯ И СПЕЦИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КРЫМУ В 20-Х ГОДАХ

Земельный кодекс отнес к разряду земель спецназначения земли, находившиеся под лесами, горными разработками, железными дорогами, крепостями и другими военными сооружениями. Эти земли находились в управлении соответствующих ведомств на основании особых о том правил [1].

Среди земель спецназначения в Крыму наибольшую площадь занимали лесные территории, расположенные в предгорных и горных районах. Они составляли

государственный лесной фонд. Вопросы землепользования и землеустройства их были тесно связаны с условиями и порядком использования лесного фонда.

В лесных районах местное население испытывало острый недостаток в земле для сельскохозяйственного использования. Чтобы уменьшить его, 11 съезд советов Крымской АССР в 1922 г. принял решение передать в пользование крестьян этих районов бывшие общественные леса площадью около 55 000 дес. [2]

Однако при осуществлении этого решения возвращение бывших общественных лесных дач происходило без учета нормы наделения крестьянских хозяйств. Кроме того, это затронуло леса, имевшие особое защитное значение.

При проведении в лесных районах межселенного землеустройства возник вопрос о том, включать ли в отводы земобществам находившиеся среди отводимых селениям земель лесные участки или оставлять их в составе государственного лесного фонда. 28 октября 1922 г. лесное управление КрымНКЗема отдало решение этого вопроса в каждом конкретном случае на усмотрение лесничих и их помощников [3].

Землеустроительные работы в лесных местностях Ялгинского округа начались в конце 1922 г. Решением особой комиссии КрымЦИКа по землеустройству Южного берега на территории округа для проведения межселенного землеустройства были выделены следующие дачи разверстания: Никитская, Кизильташская, Алушкинская, Кореизская, Алуштинская, Кучук-Биюк-Ламбатская, Корбеклинская, Севастопольско-Балаклавская, Шумская, Ялтинская, Форосская, Кучук-Узеньская.

Вскоре оказалось, что при проведении межселенного землеустройства в селенные земотводы нередко включались лесные участки, закрепленные за гослесфондом. Поскольку включение лесных площадей, имевших защитное и водохозяйственное значение в земотводы земобществам, стало приобретать заметные размеры, 7 января 1923 г. КрымЦИК установил, что включенные в селенные отводы лесные участки в любом случае остаются под контролем и наблюдением лесного управления [3, л. 19].

19 апреля 1923 г. КрымЦИК утвердил «Правила закрепления пользования из лесных дач бывшего общественного владения за прежними владельцами». В них определялось, что бывшие общественные лесные дачи остаются в гослесфонде, но право исключительного пользования ими принадлежит тем земобществам, которым они ранее принадлежали на правах собственности [3, л. 30 об.].

К середине 1924 г. по Симферопольскому, Салгирскому, Карасубазарскому, Бахчисарайскому, Алуштинскому, Старокрымскому, Судакскому, Байдарскому, Южнобережному лесничествам из бывших общественных дач за бывшими владельцами было закреплено 34 572 дес. лесных площадей. Это относилось к земобществам, которые включили в себя 7 714 крестьянских дворов. По Южнобережному лесничеству за земобществами (856 дворов) было закреплено всего 585 дес. [4].

Лесное управление стремилось ограничить масштабы включения в селенные отводы при землеустройстве земобществ лесных участков и нередко протестовало против таких передач, но это не всегда приносило эффект. 8 июля 1924 г. особая комиссия по землеустройству Южного берега рассмотрела землеустройства Кучук-Узеньской дачи разверстания, состоявшей из земотводов селениям Куру-Узень, Кучук-

Узень, Улу-Узень и Туак. Вопреки протесту лесного управления, принимая во внимание вкрапливание крупных пользовательных участков в лесные площади, их кустарниковый и выгонный характер, острое малоземелье населенных пунктов, она подтвердила передачу лесных площадей из гослесфонда населению в порядке лесоустройства [5].

Вопреки протесту лесного управления, 17 апреля 1924 г. КрымЦИК удовлетворил ходатайство земобщества д. Коуш Ялтинского округа об оставлении в силе передачи ему в Коушсо-Никитской дачи разверстания 20 дес. леса. Жителям этой деревни было разрешено нанять частного землемера для производства землеустроительных работ за свой счет [5, с. 40].

На почве проведения межселенного землеустройства в южных районах между землеустроительными и лесными органами нередко возникали конфликты. Эти противоречия приобрели такую остроту, что вопрос о правомерности включения в селенные отводы лесных участков был 24 октября 1924 г. рассмотрен на заседании коллегии НК РКИ. При этом управление землеустройства и ГЗИ было обвинено в извращении советского аграрного законодательства в том, что возвращение бывших общественных лесов их прежним владельцам – земобществам является с его стороны «мерой укрепления кулацких сел и слоев», а также в том, что оно ставило возвращение бывших общественных лесных дач бывшим владельцам в прямую зависимость от того, могут ли они оплатить стоимость землеустройства.

Во время обследования, проведенного НК РКИ в июле – октябре 1924 г., было установлено, что при землеустройстве в южных районах иногда неправомерно включались в земнаделы лесные участки, имевшие защитное значение, в результате чего дебет водных источников, расположенных поблизости, упал на 75%. Это также коснулось парковых насаждений, из-за чего в некоторых парках ценные насаждения были истреблены на 50%. Было также установлено, что в предгорных и горных районах при проведении межселенного упорядочения землепользования нередко имеет место включение особо защитных лесов в селенные отводы [5, л. 2].

НК РКИ констатировало, что если не будут приняты надлежащие меры, то половина лесов северного склона Крымских гор будет роздана крестьянам. Он предложил КрымНКЗему пересмотреть уже произведенные населению отводы лесных площадей, которыми нанесен урон гослесфонду и парковым насаждениям [6].

Опасаясь быть обвиненной в «классовых извращениях», особая комиссия по землеустройству Южного берега стала действовать более осторожно, утверждая включение лесных участков в селенные отводы или откладывая решение вопроса. 1 августа 1923 г. НКЗ РСФСР утвердил инструкцию о выделении лесов местному населению, в которой разграничивались процессы землеустройства и лесоустройства, но почему-то она не поступила своевременно в Крым. Эту инструкцию КрымНКЗем не имел еще в августе 1924 г. [7].

А население горно-лесных районов требовало проведения межселенного землеустройства. Поэтому было решено его продолжать, применяя ст. 172 земельного кодекса РСФСР [8], и рассматривать теперь лесное управление и его органы в землеустроительном процессе не как наблюдателей, а как полноправную сторону. Лесное управление в связи с этим предоставило необходимые для этого полномочия

лесничим и их помощникам [9].

В связи с проведением межселенного землеустройства в горно-лесной зоне возник вопрос о сохранении территории Крымского заповедника, поскольку появились на нее претенденты из населения горных сел. Комиссия НК РКЦИ в октябре 1924 г., после обсуждения вопроса со специалистами, решила: на северном склоне площадь заповедника против существующей уменьшить на 1 938 дес. (вместо 4 046 оставить 2 108), а взамен этого добавить ему площади на южном склоне. Было предложено сократить общую площадь заповедника с 4 046 до 3 431 дес. [10].

7 июля 1923 г. был утвержден лесной кодекс РСФСР. Согласно ему, наделению лесами местного значения в Крыму подлежали все горные селения, расположенные внутри лесов или вблизи их. При этом наделение должно было быть равномерным, но не свыше 1 дес. на двор. В то же время ст. 34 лесного кодекса устанавливала недопустимость включения в земотводы населению особо защитных лесов [10, л. 203].

С принятием лесного кодекса на полуострове возникло противоречие между установленным им принципом наделения лесами, который был направлен на удовлетворение нужд местного населения, и постановлением 11 съезда советов Крыма о возврате бывших общественных лесов их бывшим владельцам – сельским обществам [11].

В связи с этим 4 съезд советов Крыма принял решение об отмене постановления 11 съезда советов и о возвращении в гослесфонд уже переданных земобществам ранее принадлежащих им лесных площадей. Одновременно 4 съезд советов решил закрепить за земобществами горных деревень (кроме Южного берега как курорта) до 35 000 дес. лесных площадей, но уже на правах использования ими «лесов местного значения» (как это было предусмотрено лесным кодексом) [12].

В 1925 г. в горно-лесных районах началось изъятие уже выделенных бывших общественных лесов у их прежних владельцев – земобществ и наделение их лесами местного значения. Решения 11 Всесоюзного съезда Советов по вопросам землепользования в лесных районах были не очень четкими. Пользуясь этим КрымНКЗем, помимо 35 000 дес., выделяемых земобществам как леса местного значения, стал вновь передавать бывшим владельцам бывшие общественные лесные дачи [12, л. 6].

Узнав об этом, КрымЦИК 05 июня 1925 г. приостановил как возврат бывших общественных лесов в гослесфонд, так и наделение земобществ лесами местного значения и обратился в СНК РСФСР за разъяснениями. 16 июля 1925 года этот орган постановил: считать крымские леса «лесами особого значения». В соответствии с этим становилось невозможным включение в селенные отводы любых лесных площадей.

Крымские власти против такого решения возражали и попросили Москву пересмотреть его. В связи с этим 29 июня 1925 г. СНК РСФСР принял во внимание «земельную тесноту» в горно-лесной части полуострова, решил передать здесь крестьянству, жившему среди леса, временно, на условиях договоров, 35 000 дес. лесных площадей [12, л. 1-6].

После этого КрымЦИК предложил КрымНКЗему подготовить план передачи крестьянству в горно-лесном районе 35 000 дес. Такой план был составлен, но при этом не уложились в санкционированные Москвой 35 000 дес. План включал 38 080 дес. По ходатайству КрымЦИКа, СНК РСФСР утвердил такое решение. После этого КрымЦИК

разверстал эти лесные площади между районами: Севастопольскому – 11 300, Бахчисарайскому – 13 380, Симферопольскому – 2300, Карасубазарскому – 5000, Старокрымскому – 2100, Судакскому – 4000 дес. Был также определен срок для осуществления передачи этих лесных площадей земобществам – 01 октября 1925 г. Был выработан и примерный договор, на основании которого должны были передаваться во временное пользование земобществам лесные площади. Для осуществления проектов выдела лесоучастков в натуре при райисполкомах были созданы специальные комиссии [12, л. 1-6].

В июле – сентябре 1925 г. в горно-лесных районах проводилась интенсивная работа по передаче селениям во временное пользование участков из утвержденных 38 080 дес. Она осуществлялась на основе положений, содержащихся в утвержденной КрымЦИКом 23 июля 1925 г. «Инструкции о выделении лесов» [12, л. 1].

Во временное пользование крестьянскому населению, проживающему среди леса, выделялись лесные участки, расположенные вблизи селений и стеснявшие хозяйственную деятельность селян. Не выделялись лесные участки, расположенные на Южном берегу. В остальных горно-лесных районах не подлежали выделу особо защитные участки.

Площадь выделяемых лесных участков определялась величиной земельного участка и количеством бедняцких дворов земобщества, но не могла превышать 3 дес. на двор. Селениям, хотя и расположенным в лесу или вблизи леса, но имевшим полную норму земельного участка, лесоучастки не выделялись.

Всего по Крыму к сентябрю 1925 г. крестьянам было выделено 20 800 дес. лесных площадей. Оставалось до 01 октября выделить еще 17 280 дес. Эта задача была выполнена к началу 1926 г. Остальные леса горно-лесной зоны остались в гослесфонде.

Кроме земель спецназначения, земельный кодекс РСФСР установил институт специального использования земли. Он содержал совокупность норм, которые предоставляли право непосредственного специального пользования землями из единого государственного земельного фонда городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям. Кроме того, НКЗ РСФСР получил право предоставлять землю по особым постановлениям и на особых условиях для специального использования учреждениям, обществам, организациям и отдельным лицам [13]. Земельный кодекс установил, что отвод земли, предоставляемой в пользование субъектам ее специального использования, производится в порядке землеустройства [13, с. 29].

К разряду земель специспользования относились, в первую очередь, городские земли, т.е. земли внутри действующей городской черты. Городской границей считалась наружная граница земель как застроенных, так и незастроенных, которые состояли к 01 августа 1922 г. в заведовании городского совета, а также примыкавшие к городской границе земли, если они не находились в фактическом пользовании крестьянского населения или рабочих организаций. Действия земорганов на городские земли не распространялись [13, с. 25].

Все земли за пределами городской черты к городским землям не относились и находились в ведении земорганов. Тем не менее, располагавшиеся за пределами городской черты земли, обслуживающие городские коммунальные предприятия (водопровод, поля орошения и т.д.), закреплялись за этими предприятиями [25].

В Крымской АССР на 01 июня 1925 г. городские земли составляли 32 118 дес. По

районам они распределялись так: Симферопольский – 3 462, Евпаторийский – 3 203, Джанкойский – 1 652, Феодосийский – 6 257, Керченский – 5 958, Севастопольский – 9 225, Ялтинский – 813, Бахчисарайский – 258, Карасубазарский – 1 290 дес. В Судакском районе городских земель вообще не было [14].

До октября 1917 г. количество городской земли в Крыму составляло 70 812 дес. Уменьшение количества городских земель в советское время объяснялось решением законодательства в области земельной политики городов, в результате чего часть земель, ранее эксплуатировавшихся городами, перешла в фонд трудового землепользования.

К середине 1925 г. было произведено землеустройство только двух городских поселений – Карасубазара и Старого Крыма. Земельное хозяйство городов велось бессистемно и лишь незначительно приносило доходы городам. А до 01 октября 1917 г. во многих крымских городских поселениях доходы от городских земель составляли до 33 % всех городских доходов [15].

Среди земель специиспользования были в Крыму и земли, предоставленные различным государственным земельным учреждениям. В их пользовании на 01 июня 1925 г. находилось 3 501 дес. По районам они распределялись так: Симферопольский – 753, Евпаторийский – 202, Джанкойский – 617, Феодосийский – 69, Керченский – 653, Севастопольский – 688, Ялтинский – 466, Бахчисарайский – 8, Карасубазарский – 45 [16]. Размер землепользования государственных учреждений на 21 мая 1926 г. возрос до 4 331,4 дес.

Земли специиспользования предоставлялись не только земельным, но и иным государственным учреждениям. Всего в пользовании госучреждений в 1926 г. было 44 земельных участка общей земельной площадью 12 737 дес. По районам они распределялись следующим образом: Евпаторийский – 3 (3 814 дес.), Джанкойский – 3 (1 117 дес.), Симферопольский – 13 (2 900 дес.), Феодосийский – 5 (1 578 дес.), Керченский – 4 (1 452 дес.), Карасубазарский – 3 (128), Севастопольский – 6 (1 275), Ялтинский – 6 (465 дес.), Бахчисарайский – 1 (8 дес.) [17].

В пользовании государственных учреждений в 1926 г. находилось 518 дес. спецкультур, 11 553 дес. пахотных земель. Пригодная для обработки земля составила 12 071 дес., а непригодная – 666 дес. Крупные участки спецкультур были сосредоточены в Симферопольском (219 дес.), Карасубазарском (80 дес.), Севастопольском (107 дес.) районах. Наиболее крупные площади пахотных земель находились в Евпаторийском (3 518 дес.), Джанкойском (1 073 дес.), Симферопольском (2 605 дес.), Феодосийском (1 519 дес.), Керченском (1 322 дес.) и Севастопольском (1 088 дес.) районах [18].

В состав земель специиспользования входили и земли, предоставленные крымским курортным учреждениям. Ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1924 г. устанавливала, что землеустроительные работы в пределах горной и санитарной зоны охраны курортов союзного значения обязательно должны согласовываться с Центральным управлением курортами Крыма [31].

Особая комиссия КрымЦИК по землеустройству Южного берега в 1922 – 1924 гг. провела межселенное землеустройство в Ялтинском районе. При этом районному курортному управлению были выделены земли, имевшие ценность санаторно-курортной точки зрения, и небольшая часть курортных угодий, необходимых для курортной жизни [20].

К концу 1924 г. в Ялтинском районе за курортными организациями было закреплено 272,3 дес., в том числе 101,99 дес. парков [21]. Для специпользования в Ялтинском районе земли также были предоставлены органам Наркомпроса РСФСР (12,2 дес.), управлению маяков Черного и Азовского морей (11,5 дес.), Наркомздраву РСФСР – (177,7 дес.), г. Ялте (455,3 дес.) [21, л. 15-16].

Таким образом, одной из форм землепользования, имевшей место в Крыму в начале и в середине 20-х годов, были земли спецназначения и специпользования. Однако удельный вес их среди других форм землепользования был малозначительным. Они имели место вне пределов сельскохозяйственного производства и не оказали на него влияния.

Кроме основных форм землепользования, в Крыму в начале и в середине 20-х годов получили распространение и вспомогательные. Две из них – использование земли путем ее аренды, а также в процессе переселения и расселения были связаны с сельскохозяйственным производством. Аренда земли, хоть и имела место, но не получила из-за разных причин того размаха, который следовало ожидать. Тем не менее, она имела позитивное значение для роста сельскохозяйственного производства, для улучшения материального положения участников арендных отношений.

Меньшее значение для сельскохозяйственного производства имело использование земли в процессе переселения и расселения. Они вызывались не только субъективными, но и объективными обстоятельствами. Поэтому пора отказаться от негативной оценки этого процесса как явления, порожденного только личными устремлениями крымских властей. Процесс переселения и расселения имел сравнительно скромные масштабы и не привел к уменьшению потребности в землепользовании в малоземельных энцикультурных районах и к заметному увеличению площади обрабатываемых земель в степной части полуострова. Особое место среди вспомогательных форм землепользования занимал использование земель спецназначения и земель специпользования, поскольку они не были связаны с сельскохозяйственным производством. Удельный вес их был малозначительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земельный кодекс РСФСР. - М.: Юридическое издательство наркомюста, 1923. -- 39 с.
2. ЦДА АРК. – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления. 9 сентября 1924 г. – 1 ноября 1924 г. – 264 л.
3. ЦДА АРК. Ф.Р - 460, оп. I, спр. 1319 а / Материалы обследования землеустройства НКЗ. 29 октября 1924 г – 30 декабря 1924 г – 78 л.
4. ЦДА АРК – Ф.Р- 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления 9 сентября 1924 г – 1 ноября 1924 г -- 264 л.
5. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ -- 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. – 78 л.
6. ЦДА АРК -- Ф.Р -- 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления - 9 сентября 1924 г. – 1 ноября 1924 г. – л. 264
7. ЦДА АРК -- Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ -- 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. - 78 л.
8. Земельный кодекс РСФСР. – М.: Юридическое издательство наркомюста, 1923 г. - 39 с.
9. ЦДА АРК – Ф.Р -- 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ. – 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. – 78 л.

10. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления.– 9 сентября 1924 г.– 1 ноября 1924 г.– 264 л.
11. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ – 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. – 78 л.
12. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления – 9 сентября 1924 г. – 1 ноября 1924 г. – 264 л.
13. Земельный кодекс РСФСР. – М.: Юридическое издательство наркомюста, 1923 г. - 30 с.
14. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1471 / Материалы о деятельности управления землеустройства КрымНКЗема. Протоколы, планы, акты. - 355 л.
15. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 а/ Материалы обследования лесного управления.– 9 сентября 1924 г. – 1 ноября 1924 г. – 264 л.
16. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1471 / Материалы о деятельности управления землеустройства КрымНКЗема. Протоколы, планы, акты. – 355 л.
17. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1608 / Материалы планового обследования землеустройства в Крыму. – 25 января 1926 г. – 30 ноября 1927 г. – 1197 л.
18. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 3112 / Материалы по обследованию переселения и расселения в Крыму с целью изучения организации этого дела и проверки результатов. – 16 февраля 1928 г. – 11 ноября 1929 г. – 980 л.
19. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1471 / Материалы о деятельности управления землеустройством КрымНКЗема. Протоколы, планы, акты. – 355 л.
20. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1470 / Материалы о выработке наиболее целесообразных типов землеустройства и форм землеиспользования.– 1 мая 1925 г.– 25 июня 1925 г. – 63 л.
21. ЦДА АРК – Ф.Р – 460, оп. I, спр. 1319 / Материалы обследования землеустройства НКЗ – 29 октября 1924 г. – 30 декабря 1924 г. – 78 л.
22. Там же – л. 15 – 16.

Поступило в редакцию 20.02.2002 г.

*Ганкевич В.Ю. Шевелев С.С.
(Симферополь, Украина)*

БОРЬБА ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО ЗА РЕФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

После поражения от русских войск под Самаркандом в 1868 году эмир Музаффар эд-Дин (1860-1885) признал протекторат России и согласился на превращение Бухары в вассальное государство. По договорам 1868 и 1873 годов Россия оставляла на троне представителей династии Мангытов, забрав себе реальную власть. Район среднего течения р. Зеравшан с Самаркандом вошел в состав Туркестанского генерал-губернаторства, что поставило под русский контроль ирригационную систему Бухары. В этих условиях Бухара «сохранила практически в неприкосновенном состоянии средневековую социальную и политическую структуру, просуществовавшую до 20-х годов XX века» [1, с. 51; 2, с.5].

Эмир Бухары был не только светским, но и духовным правителем, все административные акты строго соответствовали шариату. Главными толкователями шариата были высшие мусульманские духовные авторитеты – шейх уль-ислам («глава ислама») и кази-колон («верховный судья»), занимавшие в официальной иерархии